

Машина остановилась у обшарпанной жилой пятиэтажки в старом квартале. Попрощавшись с Бай Фаном, Янь Пин уже повернулся к подъезду, но его окликнули. Оглянувшись, он увидел, что младший брат топчется на месте, явно собираясь что-то сказать, но никак не решается.

Янь Пин не торопил его. Он просто замер на ступенях и терпеливо ждал, пока тот соберётся с духом.

Минут через пять Бай Фан наконец зажмурился, сделал глубокий вдох и выпалил:

— Брат, зачем ты сегодня собирал бутылки?

Полгода от Янь Пина не было никаких вестей. Бай Фан исколесил несколько провинций в бесплодных поисках, пока не зацепился за слух, что брата видели в провинции Юнь. Он тут же взял билет на самолёт. Едва сойдя с трапа, принялся объезжать все места, где Янь Пин любил бывать раньше. Дни летели один за другим, список адресов таял, а сердце Бай Фана сжималось от глухой паники. И вдруг на глаза ему попался заголовок в жёлтой прессе:

«Шок! Бывший наследник богатейшей семьи собирает мусор на улицах! Что заставило его опуститься на самое дно?»

Именно под этой сенсационной статьёй красовалась фотография Янь Пина. Бай Фан поначалу даже не поверил своим глазам — настолько манеры и весь облик мужчины на снимке отличались от прежнего, высокомерного брата. Возможно, именно из-за этой перемены новость так долго и не могла пробиться в топ. Но, взглядевшись и окончательно убедившись, что это его брат, Бай Фан не стал терять ни секунды. Он бросился на поиски, решив во что бы то ни стало забрать Янь Пина домой до того, как его выследит орава назойливых папарацци и злопыхателей.

— Денег не было. И есть хотелось, — спокойно ответил Янь Пин.

Он уже прекрасно понимал, как в этом мире относятся к бродягам, собирающим пластик, но не видел в содеянном ничего постыдного. Зарабатывать на жизнь собственным трудом — это честно.

От этих слов у Бай Фана, который и так смотрел на него с надеждой, на глаза навернулись слёзы.

— Брат, если у тебя нет денег, просто скажи мне! У меня полно, я всё тебе отдам!

Он лихорадочно вытащил бумажник, достал оттуда все банковские карты и попытался всучить их Янь Пину. Хорошо ещё, что в эпоху мобильных платежей люди редко носили с собой наличные, иначе он бы сейчас засыпал брата ворохом купюр.

Янь Пин не прикоснулся к картам. Бай Фан решил, что во всём виной уязвлённая гордость: мол, старшему брату, который раньше всегда опекал его, не позволяет самолюбие брать деньги у младшего. Нехотя спрятав карты обратно, он уставился на Янь Пина с таким выражением лица, будто тот пережил страшную катастрофу и терпел нечеловеческие лишения.

Янь Пин лишь промолчал. Попрощавшись, он развернулся и стал подниматься по лестнице.

Бай Фан долго смотрел ему вслед, а вернувшись в салон автомобиля, наконец дал волю слезам. На душе было невыносимо тяжело и горько. Он знал, что его брат никогда не был святым. В прежние времена Янь Пин творил много скверных дел, безжалостно пользуясь своим влиянием и ломая чужие жизни.

Но пока за его спиной стояла могущественная семья Янь, он мог вести беззаботную, роскошную жизнь, купаясь в лучах чужого обожания, какие бы грехи за ним ни водились. А теперь...

Теперь в Столичном городе слишком многие жаждали увидеть, как Янь Пин рухнет в грязь и приползёт к ним на коленях, вымаливая пощаду. Эти люди спали и видели, как бы побольнее пнуть поверженного тигра, изливая на него всю свою накопившуюся желчь.

Но Бай Фан не позволит им торжествовать. Ни за что!

Он стиснул зубы и приказал водителю трогаться. Никто не посмеет унижить его брата. Ни единая живая душа.

Тем временем Янь Пин, ориентируясь по обрывкам чужой памяти, поднялся на пятый этаж. Квартира прежнего владельца тела располагалась в старом квартале. Она оказалась небольшой: кухня, гостиная, санузел и две спальни, одну из которых переоборудовали под рабочий кабинет.

Янь Пин наугад вытащил с полки несколько книг. Тематика была невероятно пёстрой — от квантовой физики до средневековой агрономии. Очевидно, прежний хозяин сознательно накапливал самые разнообразные знания, готовясь к будущим миссиям в бесчисленных мирах.

Осмотрев кабинет, Янь Пин вышел в коридор, с любопытством разглядывая диковинные для него вещи повседневного обихода. Когда империя семьи Янь рухнула, кредиторы и недоброжелатели растащили всё, что могли. Недвижимость и счета арестовали за долги. Эту неприметную квартиру прежний владелец купил на самые последние сбережения.

Впрочем, простота жилья была обманчивой. Мебель и внутренняя отделка кричали о скрытой роскоши, совершенно не вяжущейся с обшарпанным фасадом дома. Сразу чувствовалось: этот

человек не привык отказывать себе в комфорте и толк в удовольствиях знал.

Неудивительно, что пока остальные члены клана Янь обживали тюремные нары, он ухитрился остаться на свободе. Безумцу просто не хотелось проводить свои последние дни в этом мире за решёткой. Прекрасно зная законы, он умудрялся проворачивать дела, от которых у его врагов зубы скрежетали от ярости, но всякий раз выходил сухим из воды. Настоящий авантюрист, обожавший играть с огнём на самом краю пропасти.

И всё же, несмотря на дорогой интерьер, квартирка оставалась тесной. На кухне сиротливо гудел холодильник, внутри которого не нашлось ничего, кроме бутылок с дорогим алкоголем. Никакой еды.

Завершив беглый осмотр, Янь Пин опустился на диван. Он собирался просто переждать время до полуночи. Как только наступит новый день, лимит обновится, и он сможет через систему узнать, как там дела у Вэнь Цзяня.

Сразу после того, как он получил современные лекарства от Бай Фана, он тайно потратил два очка заслуг, чтобы переправить их Вэнь Цзяню. Но правила системы были суровы: на наблюдение за Великой Юн отводилось всего пятнадцать минут в сутки, и этот лимит он исчерпал ещё утром. Оставалось только ждать.

— Хозяин, не хотите отправить на ту сторону записку с инструкциями? Для первой отправки у нас действует скидка: всего одно очко заслуг за два иероглифа! — уловив возможность подзаработать, перед лицом Янь Пина радостно закружился системный огонёк.

— Пять слов, — коротко бросил Янь Пин.

— А? — опешила система.

— Одно очко заслуг за пять слов, — повторил он, смерив холодным взглядом парящего перед ним проводника.

Система замолчала от неожиданности.

Ей впервые попался настолько прижимистый подопечный. Другие её пользователи никогда не опускались до мелочного торга. А ведь если судить по былому величию, никто из них и близко не стоял рядом с Янь Пином. В своём родном мире этот человек находился на самой вершине власти, обладая феноменальным умом, несметным богатством и непререкаемым авторитетом.

Он привык к невероятной роскоши: его одеяния шились лучшими мастерицами из тончайшего шелка, ценившегося на вес золота. По логике вещей, такой вельможа вообще не должен был смотреть на жалкие крохи очков заслуг, не говоря уже о том, чтобы торговаться из-за них.

Так и не найдя объяснения этой загадке, система всё же уступила. Одно очко за пять слов — это всё равно лучше, чем ничего. Получив согласие, Янь Пин взял бумагу и тщательно перенёс все указания Бай Фана, используя каллиграфию Великой Юн. Вскоре записка скользнула в пространственную прореху и исчезла на той стороне.

— Кхе-кхе-кхе...

В ветхой, продуваемой всеми ветрами мазанке то и дело раздавался глухой, мучительный кашель. Больной метался в жару, его лицо пылало неестественным румянцем, он судорожно хмурился, плотно сомкнув веки. Сухой кашель терзал его грудь, но он так и не приходил в сознание.

В соседней комнатухе, такой же убогой и тёмной, от этих звуков проснулся сухощавый, загорелый до черноты парень. Он торопливо поднялся, проскользнул в гостевую половину и при свете луны, пробивавшемся сквозь прорехи в крыше, взгляделся в измученное лицо мужчины. Наклонившись к постели, он попытался растолкать его.

После нескольких безуспешных попыток у Ли Эрчжу тревожно ёкнуло сердце. «Не жилец», — тоскливо подумал он. Парень вспомнил про нищету в собственном доме, бросил взгляд на бледного пришельца и, не выдержав мук совести, решительно стиснул зубы. Накинув рваную куртку, он выбежал со двора и припустил к окраине деревни — к единственному на всю округу лекарю-самоучке.

Шум разбудил и младших детей в доме. Пока Ли Эрчжу бежал по деревне, худые, замурзанные подростки, Ли Саньчжу и его сестра Ли Сяомэй, возились у очага. Они бережно варили снадобье в щербатом глиняном горшке, то и дело с испугом поглядывая на кровать, где лежал чужак, которого притащил их средний брат.

Три дня назад брат ушёл в уезд искать подённую работу, а вернулся затемно, таща на себе окровавленного, полуживого человека. Ли Эрчжу объяснил плачущим младшим, что бедолага нарвался на разбойников на большой дороге.

С тех пор в их убогом жилище не переводился горький запах дешёвых трав, а скудные сбережения — последние медные монеты, отложенные на чёрный день, — растаяли без следа. Соседи в голос твердили, что Ли Эрчжу лишился ума. Сами перебиваются с воды на лебеду, а тут приволок калеку, лечение которого обойдётся в целое состояние!

Насильно влив тёплое варево в рот Вэнь Цзяня, Ли Эрчжу бессильно опустился на порог, понуриив голову. Он то и дело оглядывался на больного. Лекарь Чжан перед уходом высказался без обиняков: если до рассвета не очухается, пусть сразу несут на погост, зря только переводить лекарство.

Небо за окном начало сереть, но мужчина на топчане по-прежнему не подавал признаков жизни. Ли Эрчжу в тревоге мерил комнату шагами. Он понимал, что сильный жар редко кого отпускает — совсем недавно в деревне от лихорадки сгорели несколько ребятишек и пара стариков. Но в глубине души он всё же надеялся на чудо.

Отчаявшись, он вдруг зацепился взглядом за старый сундук у изголовья кровати. На его пыльной крышке белел аккуратный, невероятно чистый бумажный сверток, рядом с которым лежал клочок бумаги с какими-то знаками. Ли Эрчжу остолбенел. Сердце испуганно забилось, а на лице проступил благоговейный страх.

Такую белоснежную, гладкую бумагу он видел лишь однажды, три года назад, когда нанимался батраком в богатую усадьбу в уездном городе. Там барские сыновья выводили на таких листах иероглифы.

Откуда этому сокровищу взяться в его развалюхе? Когда он вытащил незнакомца из воды, на том не было даже сухой нитки — Ли Эрчжу сам натянул на него свои старые обноски.

Так как же эта чистая бумага оказалась здесь?

Вконец растерявшись, Ли Эрчжу несмело подошёл ближе и кончиками пальцев приподнял сверток. Внутри что-то шуршало. Он приоткрыл край и осторожно вдохнул воздух.

Запахло лекарственными травами!

Парень перевёл взгляд с загадочного приношения на тяжело дышащего больного. В его бесхитростной голове созрела единственная спасительная мысль: «Уж не Бодхисаттва ли сжалась над нами?»

Тёмный, суеверный крестьянин даже не подумал о том, что ночью к ним в дом мог кто-то пробраться. Для него это было ничем иным, как божественным знамением. Схватив записку, он со всех ног припустил к дому старосты. Сын старосты, Ли Хуань, немного смыслил в грамоте и наверняка смог бы разобрать, что там написано.

Разбуженный ни свет ни заря Ли Хуань поначалу разозлился, но, увидев на пороге запыхавшегося Ли Эрчжу, немного остыл. Он знал, в какой нищете бьётся эта семья. Ли Эрчжу отличался редкой кротостью и никогда бы не стал беспокоить почтенных людей по пустякам. Раз пришёл в такой час — значит, стряслось что-то из ряда вон выходящее.

Приняв из рук соседа листок, Ли Хуань взгляделся в строчки, и его лицо мгновенно вытянулось от изумления.

— Откуда у тебя это? — требовательно спросил он.

Ли Эрчжу лишь замялся, уходя от прямого ответа, и принялся настойчиво расспрашивать, о чём гласит писание.

Вздыхнув, Ли Хуань прочитал текст вслух, а затем строго добавил:

— Если происхождение этой бумаги тебе неведомо, не вздумай пичкать постояльца этим зельем. И выкинь из головы бредни про небесных заступников, уяснил?

Он слишком хорошо знал простодушного соседа, чтобы понимать, какие мысли роятся в его голове.

Ли Эрчжу послушно закивал, забрал записку и поспешил обратно. Ли Хуань посмотрел ему вслед и нахмурился. Спасённый парень с первого взгляда показался ему подозрительным. Староста сразу советовал не связываться со смутьяном, но упрямый Ли Эрчжу и слушать ничего не желал — на собственных плечах приволок умирающего в деревню.

«Ладно, моё дело — предупредить, а дальше пусть сам решает», — подумал Ли Хуань, закрывая дверь.

Вернувшись в свою хижину, Ли Эрчжу долго колебался. Но, глядя на угасающего прямо на глазах раненого, он заскрежетал зубами и принял решение. Была не была! Терять всё равно нечего: парень вот-вот отдаст Богу душу. Лучше рискнуть, чем безвольно смотреть на чужую смерть. Он развёл порошок в воде и бережно влил лекарство в приоткрытый рот Вэнь Цзяня, мысленно молясь всем известным богам.

— Кхе-кхе...

Несколько раз глухо кашлянув, Вэнь Цзянь медленно открыл глаза. Какое-то время он заторможенно созерцал дырявую соломенную крышу.

Тёплый солнечный луч пробивался сквозь прореху и щекотал лицо. Вэнь Цзянь глубоко вздохнул, осознавая: он всё ещё жив.

— Очнулся! Очнулся, мил человек! — обрадовался Ли Эрчжу, карауливший у постели, и поспешил помочь ему приподняться.

Вэнь Цзянь оперся на его руку. В глазах на миг потемнело. Когда сознание окончательно прояснилось, лоб покрылся крупными каплями холодного пота. Каждое движение отзывалось во всём теле острой, невыносимой болью. Мужчина стиснул зубы, заглушая стон, но краем глаза успел заметить белеющий на пыльном комодке сверток.

Лихорадочный туман, ещё недавно застилавший разум, мгновенно рассеялся. Вэнь Цзянь внутренне подобрался, его врождённая подозрительность обострилась до предела.

Ничем не выдавая своего волнения, он внимательно оглядел Ли Эрчжу и задал ему несколько наводящих вопросов. Парень отвечал простодушно, без тени лукавства, однако это не успокоило раненого — напротив, тревога лишь усилилась. Если этот наивный крестьянин чист, значит, опасность исходит извне.

По пути в ссылку, в проклятый уезд Янсянь, на него совершили столько покушений, что дорога казалась непрекращающимся сражением с чужеземным войском. Во время последнего нападения его зажали в угол на самом берегу, и у него не оставалось иного выбора, кроме как броситься в бурные воды реки Хунцзян. То был отчаянный шаг, игра со смертью, но ему улыбнулась удача.

Река пощадила его. Едва придя в себя на мелководе, он первым делом стащил с себя приметную арестантскую робу и пустил её по течению.

Местным жителям он наплел, будто на него напали лихие люди. Сказал, что глубокие рубцы от плетей на спине — это следы пыток разбойников, от которых он чудом унёс ноги, прыгнув в бурлящий поток. Ли Эрчжу долго расспрашивал его, присматривался и, лишь окончательно поверив, что перед ним не беглый каторжник или тать, приютил у себя. В ту же ночь у Вэнь Цзяня начался сильнейший бред.

Сквозь марево беспамятства он смутно осознавал убожество этого места. Деревня была нищей, без единого мало-мальски знающего лекаря. Лекарь Чжан, которого здесь почитали за целителя, едва отличал подорожник от полыни и мало смыслил во врачевании.

В подобной глуши отродясь не видывали бумаги белее первого снега. Кто бы стал тратить такое сокровище на обертку для снадобья?

Когда Вэнь Цзянь окончательно пришёл в себя, младший брат хозяина дома, Ли Саньчжу, захлёб поведал ему о загадочном появлении лекарства. Выслушав сбивчивый рассказ подростка, Вэнь Цзянь лишь крепче сжал челюсти.

Разумеется, ни в какое милосердие богов он не верил.

Ослабевшей рукой он взял клочок бумаги. Написанные на нём знаки были выведены незнакомым, уверенным почерком. Вэнь Цзянь опустил веки, скрывая глубокую задумчивость.

"Жаропонижающее и целебная мазь для ран... Тот, кто оставил это, в точности знал о моих недугах. Но можно ли доверять невидимому благодетелю?"

Ответ был очевиден: ни в коем случае.

В полдень, когда солнце раскалило крыши, преодолевающий слабость Вэнь Цзянь сидел на корточках в углу двора. Он поймал шнырявшую у стены мышь и скормил ей щепотку измельчённого порошка. Дождавшись, пока пройдёт время, и убедившись, что грызун жив и невредим, он, цепляясь за шершавую стену, медленно поднялся. От этого простого усилия его и без того бледное лицо сделалось совсем бескровным.

Хотя Ли Эрчжу уверял, будто жар спал именно благодаря чудесному порошку, Вэнь Цзянь привык верить только собственным глазам. У него были свои методы проверки.

Вернувшись в каморку, он взял миску с жидким варевом и принялся медленно, глоток за глотком, пить. Стряпня больше походила на мутную воду, в которой сиротливо плавали несколько зёрнышек старого риса. Эта скудная пища красноречиво свидетельствовала об ужасающей нищете, царившей в семье спасителя.

"Яд в порошке отсутствует, — размышлял Вэнь Цзянь. — Разумный человек никогда бы не стал принимать снадобье неизвестного происхождения. Но если я откажусь, то просто сгнию в этой лачуге".

Он взгляделся в своё отражение в мутной жиже: исхудавшее лицо пересекал уродливый багровый шрам от удара плетью. В глазах мужчины на миг вспыхнула яростная, звериная решимость. Лучше рискнуть всем, чем бесславно умереть на грязной соломе. В конце концов, если бы враги хотели прикончить его сейчас, им не понадобилось бы действовать столь изощрённо.

Стоял удушливый летний зной. Солнце ещё висело в зените, когда Вэнь Цзянь, пошатываясь от слабости, спустился с тропы Медной горы. В руке он держал крупного, жирного зайца.

Крестьяне, трудившиеся на полях, так и замерли с мотыгами в руках. Приглядевшись и узнав в прохожем калеку, которого несколько дней назад приволок в деревню Ли Эрчжу, они не на шутку изумились.

Видя его страшные раны и бушевавший жар, вся деревня прочила незнакомцу скорую кончину. Соседи наперебой советовали Ли Эрчжу не тратить последние гроши на бесполезные коренья — ведь лихорадка косила местных ребятишек и немощных стариков одного за другим.

— Хоть и молодой, а с такими увечьями не выкарабкается, — качали они головами.

Твердили, что вместо дорогой микстуры лучше бы купил десяток цыплят — те хоть подрастут да яйца нести станут.

Семья Ли Эрчжу натерпелась горя сверх меры. А ведь когда-то они жили в достатке и

согласии. Отец семейства, Ли Фугуй, рано остался сиротой, но вырос крепким мужчиной и слыл на всю округу отменным мастером по кастрации скота. Мать, Ван Сюлянь, вела хозяйство твёрдой рукой, успевая и в поле, и у печи. Жили они справно, воспитывали четверых детей: старшего Ли Да, среднего Ли Эрчжу, а также младшего сына и дочку.

Но несколько лет назад на Медную деревню обрушилось страшное наводнение. Бурный поток унёс Ван Сюлянь, а бросившийся ей на выручку муж сгинул в пучине вслед за женой.

Старший брат, Ли Да, в то время устраивался в уезде в ученики к хорошему ремесленнику и подавал большие надежды. Чтобы прокормить осиротевших братьев и сестру, ему пришлось бросить учёбу и пойти надрывать спину на лодочную пристань. Однажды у него украли тяжело заработанные деньги. Ли Да бросился в погоню за воришкой, но тот вместе с подельниками зверски избил парня. Денег на лекаря не нашлось, и в разгар лютых зимних морозов Ли Да испустил дух.

С тех пор забота о малолетних детях легла на плечи Ли Эрчжу, которому тогда едва исполнилось девять лет. Из жалости соседи помогали сиротам чем могли, делясь последней лепёшкой, и так, спотыкаясь о невзгоды, они прожили долгие десять лет. Должно быть, память о родителях, поглощённых рекой, заставила Ли Эрчжу сжалиться над полумёртвым чужаком у кромки воды. И хотя в доме не оставалось ни горсти риса, он притащил раненого к себе и выскреб последние гроши на снадобье.

Прежде деревенские в один голос честили его глупцом, но теперь постоялец мало того что выжил, так ещё и умудрился добыть зверя.

Взгляды крестьян невольно прикипели к упитанной тушке. Мясо на их столах появлялось разве что по большим праздникам, и вид свежей дичи вызывал у всех невольное слюноотделение.

Окрестности Медной горы давно были исхожены вдоль и поперёк, всю мелкую живность там выловили. Раздобыть дичь можно было только в дремучей чаще, куда никто соваться не смел.

Кто бы мог подумать, что этот бледный калека окажется настолько отчаянным, чтобы в одиночку сунуться в лесную глушь.

Вэнь Цзянь швырнул добычу подбежавшему Ли Саньчжу и велел ободрать тушку, а сам ушёл в комнату. Этот поход в горы дался ему нелегко — неокрепшее тело ломило от усталости. Но если бы он не раздобыл нормальной еды, то просто протянул бы ноги от голода на пустом рисовом отваре.

Опустившись на край топчана, он вновь достал уцелевшие таблетки. Кто бы ни был создателем этого чудесного средства, оно творило чудеса. Вэнь Цзянь принял лекарство всего дважды, но жар отступил, а в суставах появилась былая крепость. Иначе он ни за что не перенёс бы подъём на кручу.

Тем временем с поля возвращался Ли Эрчжу. Его тёмное от загара лицо было хмурым. Запасы зерна подходили к концу. Хорошо хоть, со спешной работой на земле он управился. Завтра можно будет оставить хозяйство на Ли Саньчжу и Сяомэй, а самому отправиться в уездный город на заработки, чтобы купить хотя бы мешок дешёвой муки.

— Эрчжу, чего плетёшься? Беги домой скорее, у вас там сегодня пир горой, мясо едят! — окликнул его проходящий мимо крестьянин.

— Брат Ли Ши? — Эрчжу недоумённо уставился на него. Откуда в их пустой кладовой взяться мясу?

— Да точно тебе говорю! Мужики у колодца судачат. Видели, как твой приёмыш с горы спустился, а в руках — жирнющий заяц! — Ли Ши шумно сглотнул слюну. Было видно, что он и сам не отказался бы от такого ужина.

Сосед зашагал дальше, а Ли Эрчжу припустил к дому. Едва шагнув за калитку, он увидел младшего брата, который старательно свеживал тушку во дворе. Аромат свежего мяса ударил в ноздри, и Ли Эрчжу невольно сглотнул. Но в следующую секунду его сердце болезненно сжалось от практической мысли: если бы продать этого зайца в городе, можно было бы выручить денег на целую меру зерна!

Он поспешил к брату, велел тому пока отложить нож, а сам замялся у дверей комнаты гостя. Ему хотелось мягко намекнуть постояльцу, что лучше бы снести дичь на рынок — выручить монеты на лекарства или крупу. Чужак ещё слаб, впереди зима, растрачивать такое богатство на один ужин казалось верхом расточительства. Но Вэнь Цзянь держался отчуждённо, и Ли Эрчжу никак не решался заговорить с ним запросто.

Пока он в нерешительности топтался у порога, переминаясь с ноги на ногу, дверь со скрипом отворилась.

Вэнь Цзянь окинул взглядом Ли Саньчжу, который стоял у навеса с окровавленным ножом, то и дело сглатывая слюну и поглядывая на брата с немим укором, а затем перевёл взор на робкого Ли Эрчжу. Ему не составило труда понять, о чём те спорят.

Ли Эрчжу хлебнул горя с малых лет. Сирот, оставшихся без крова, сердобольные односельчане подкармливали всем миром. Видимо, именно поэтому парень вырос мягкотелым до глупости. У таких людей есть одна странная черта: они костями лягут, будут голодать сами, но последнюю рубаху отдадут чужаку.

— Всё в порядке. Этого съедим сегодня, — негромко произнес Вэнь Цзянь. — А завтра я принесу ещё одного. Его и отнесёшь на рынок, поменяешь на муку.

Ли Эрчжу попытался было возразить, но Вэнь Цзянь упредил его:

— Мои силы на исходе. Если я не поем мяса, то не смогу ходить.

Против такого довода безотказный хозяин спорить не мог. Он лишь молча кивнул.

Эрчжу укорил себя за крохоборство: ведь калека пошёл на опасную охоту лишь потому, что в их доме шаром покати. Устыдившись своих мыслей, он забрал у младшего брата тушку и ушёл на кухню.

В здешних местах мужчинам не пристало возиться у печи, но после гибели родителей девятилетнему Эрчжу пришлось взять заботу о малышах на себя. И хотя Ли Саньчжу и Ли Сяомэй давно подросли и взяли на себя большую часть домашних хлопот, готовил Эрчжу по-прежнему лучше всех. Поэтому всякий раз, когда выпадала редкая возможность сварганить что-то повкуснее, он сам брался за ухват.

В тот вечер Ли Саньчжу и маленькая Ли Сяомэй впервые за долгие месяцы наелись досыта сладкого, сочного мяса. Сытный ужин мгновенно растопил лёд в их сердцах — они больше не косились со страхом на нелюдимого гостя, который занял их сарай и лишил семью последних грошей на лекаря.

Вэнь Цзянь неторопливо жевал жёсткую, дерущую горло кашу из грубого помола и размышлял. Жар почти спал, и оставшиеся пилюли он решил приберечь.

Снадобье обладало поистине невероятной силой. Нужно во что бы то ни стало доставить его в Столичный город и передать лекарю Чжао — лучшему целителю Поднебесной.

Каждый год лихорадка уносила в Великой Юн тысячи жизней, не щадя ни старых, ни малых. Если столичные мудрецы сумеют разгадать рецепт этих белых крупниц, империя обретёт спасение от великого мора.

На своём веку Вэнь Цзянь повидал немало смертей и сам оборвал бессчётное число жизней, но то было на поле брани. В мирное время созерцание братских могил не доставляло ему радости.

Конечно, самым простым выходом было бы разыскать того безвестного покровителя, что подбросил коробку в лачугу.

"Но кто этот таинственный благодетель? И почему его выбор пал именно на опального генерала?"